

Чарина Ольга Иосифовна

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕДИЦИИ 1946 Г. В РУССКОЕ УСТЬЕ

В статье рассматриваются некоторые особенности проведения экспедиции в низовьях реки Индигирки в 1946 г. Определяются ее основные задачи, выясняются роли участников; указываются сборники текстов, в которых были опубликованы полевые фольклорные произведения. Изучается репертуарный состав основных сказочных сюжетов, преданий и легенд. Проводится анализ сказки "Худая девка", в тексте которой заметны следы влияния якутского языка и мировосприятия, создающие собственный стиль исполнителя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 3. С. 68-72. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. **Хо Тхань Тунг.** Ежедневная вьетнамская газета-журнал «Молодежь»: рубрики, темы, жанры // Проблемы массовой коммуникации: новые подходы. Коммуникация в современном мире: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (27-28 октября 2011 г.). Воронеж: ВГУ, 2011. С. 103-106.
7. **Хо Тхань Тунг.** Молодежный журнал «Вьетнамский студент»: функции, рубрики // Студенческая наука как ресурс инновационного потенциала развития: материалы II Международной студенческой научной конференции. Воронеж: ВГУ, 2016. С. 112-116.
8. **Чан Ван Ле.** СМИ Вьетнама как фактор диалога с мировой культурой // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 2. С.135-138.

THE ROLE OF YOUTH PRESS OF VIETNAM IN IMPLEMENTATION OF YOUTH POLICY OF THE COUNTRY

Ho Thanh Tung

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
ho.thanhtung@mail.ru

Statistics show that the economy of Vietnam is rapidly growing. The younger generation is called upon to develop economic achievements, relying on the country's distinctive traditions. The article examines the functions of youth journalism in Vietnam (information, ideological, cultural, reference and advertising) and determines its role in the process of forming the country's youth policy. Youth journalism of the country, developing actively, expanding its presence in printed and online publications, is a platform for the education of the Vietnamese youth.

Key words and phrases: youth; Vietnam; journalism; education; culture; morality; information; media; development.

УДК 398.21

В статье рассматриваются некоторые особенности проведения экспедиции в низовьях реки Индигирки в 1946 г. Определяются ее основные задачи, выясняются роли участников; указываются сборники текстов, в которых были опубликованы полевые фольклорные произведения. Изучается репертуарный состав основных сказочных сюжетов, преданий и легенд. Проводится анализ сказки «Худая девка», в тексте которой заметны следы влияния якутского языка и мировосприятия, создающие собственный стиль исполнителя.

Ключевые слова и фразы: Т. А. Шуб; русский фольклор; методика записи; полевые записи; прозаические жанры; сказки; взаимодействие.

Чарина Ольга Иосифовна, к. филол. н., доцент

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск*
ochar@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕДИЦИИ 1946 Г. В РУССКОЕ УСТЬЕ

В рамках изучения материалов экспедиций 30-40-х гг. XX в. представляется важным рассмотреть особенности сбора русского фольклора в низовьях р. Индигирки в 1946 г. Традиционный русский фольклор в Якутии связан с местами, где русские заселились еще в XVII в. Эти места – нижнее течение рек Колымы и Индигирки.

Мы в своем исследовании опираемся на записи и документы, зафиксированные в экспедициях нашего института: С. И. Боло и Т. А. Шуба [6, д. 444, 446, 453-454, 762-781] в 40-е гг. XX в.

О значении работы по сбору якутского фольклора А. А. Савина и С. И. Боло в экспедициях по Вилюйским и северным районам Якутии написано несколько статей. Так, о роли двух экспедиций в Вилюйскую и северную группу районов в 1939-1941 гг. написал, в частности, Н. В. Аластыров [1, с. 3-8]. В наши дни еще четче осознается значение записей разных жанров фольклора в период его активного бытования. Н. В. Покатилова в исследовании значения Вилюйской экспедиции А. А. Савина и С. И. Боло рассматривает такие вопросы, как особенности оформления экспедиции, значение методики сбора фольклорных произведений [5].

Как известно, на Индигирке в 40-41-е гг. XX в. записывал произведения русского фольклора Сесен Иванович Боло. Он был известным собирателем якутского фольклора. Как сообщает А. Г. Чикачев, С. И. Боло в экспедиции находился в течение нескольких месяцев: «В Чокурдахе он появился 7 декабря 1940 г. <...>. В Русском Устье исследователь пробыл две недели. Тогда, как известно, люди жили по зимкам – небольшими семейными поселениями. Он объездил на собаках почти всю Индигирскую дельту, побывал в Стариково, Кузьмичево, Косухино, Крутой, на Станчике и на других промысловых участках» [14, с. 62]. Об этой экспедиции подробно написано в нашей статье «Боло как собиратель русского фольклора: фиксации 1940-1941 гг.» [13, с. 69-73].

С. И. Боло вернулся в Якутск уже в начале войны. Это сложный период для Института языка и культуры при СНК ЯАССР. Как пишет М. Э. Грязнухина, Теодор Абрамович Шуб был назначен работать директором нашего института в это сложное время после того, как институт был временно закрыт 15 августа 1941 г. «Деятельность

Института языка и культуры возобновилась в 1943 г. Постановлением Совета народных комиссаров Якутской АССР от 5 ноября 1943 г. решено было “восстановить с 15 ноября 1943 г. деятельность научно-исследовательского института языка и культуры при СНК ЯАССР» [4, с. 19]. Т. А. Шуб возобновил основные направления работы института, состав институтских работников пополнился новыми, из них шесть человек – кандидаты наук. Помимо работы по старым направлениям Т. А. Шуб провел в 1946 г. экспедиции в п. Чокурдах и с. Русское Устье по сбору русского фольклора, изучению русского диалекта и этнографии нижеиндигирцев.

Конечно, Т. А. Шуб опирался на те материалы по русскому фольклору, которые предоставил после своей экспедиции С. И. Боло. Была налажена корреспондентская работа, в п. Чокурдах уже тогда работал Н. А. Габышев. Также научное сотрудничество осуществляли ученые научных центров Москвы, Ленинграда. Сам Теодор Абрамович – исследователь диалектов русского языка. Первоначально предполагалось, что членов экспедиции будет четверо, однако работу по сбору фольклорных произведений, изучению диалектологических и этнографических особенностей русского языка провели три исследователя.

При сравнении записей, произведенных С. И. Боло и экспедицией, руководимой Т. А. Шубом, видно, что произошел некий качественный скачок в способе сбора русского фольклора в месте его компактного бытования силами ученых. Возможно, свою роль сыграли следующие факторы: один из собирателей – Н. А. Габышев – учитель русского языка; Н. М. Алексеев – сложившийся к этому времени специалист в области этнографии, т.е. все они обладали навыками записи текстов.

Хорошей организации экспедиции способствовало то, что ее готовили две научные организации: Институт русского языка Академии наук Союза ССР, НИИЯЛИ ЯАССР; а также – Совет народных комиссаров ЯАССР как вышестоящая организация. Т. А. Шуб писал: «Наша экспедиция, предпринятая Научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории Якутской АССР в 1946 году по инициативе Института русского языка Академии наук СССР <...> имела своей целью изучение языка, устного творчества и быта старожилородского русского населения низовьев реки Индигирки» [16, с. 210]. Были четко обозначены конечные цели экспедиции: сбор полевого материала имеет «исключительно большое значение для диалектического атласа русского языка». А также необходимо дальнейшее «этнолингвистическое изучение старожилородского населения с. Русское Устье и других селений в низовьях р. Индигирки» [6, д. 762, л. 2].

Было предложено всем административным работникам на местах предоставлять экспедиционерам транспорт, помещения; освобождать знатоков фольклора от повседневной работы для работы с собирателями фольклора. Были составлены списки известных рассказчиков: Ф. М. Гольженский, С. П. Киселев (Хунай), Е. С. Киселев (Снегирек), П. В. Кочевщиков, П. Я. Портнягина, А. А. Суздалов, П. Н. Черемкина, П. Н. Чикачев, А. Н. Шкулева и др.

Записи производили или карандашом, или ручкой в дневниках, на бумаге разного размера. Например, малые жанры: загадки, пословицы, приметы, частушки – записывали на бумагу библиотечного формата (8 x 4 см). Песни и былины записывали на бумагу стандартного формата. После все переписали набело, представили в архив. Отчет был внушительным: «Находясь сравнительно длительное время среди “досельных”, объездив все места их расселения на территории наслега, мы имели возможность более обстоятельно ознакомиться с жизнью, бытом местного населения и записать основные образцы поныне бытующих жанров устного народного творчества: 11 былинных сюжетов в разных вариантах, полностью и частично, как они сохранились в устах певцов, 62 сказки (из них только 6 на местные темы, очевидные заимствования у соседей, юкагизированных эвенов из рода Дудке), свыше 100 различных песен, среди которых много исторических (“Скопин”, “Ермак”, “Сынок Стеньки Разина”, “Милославский” и др.), большое число загадок, пословиц, поговорок, всевозможных частушек» [16, с. 210].

Интересны все три участника экспедиции. Теодор Абрамович Шуб родился в г. Бердичеве в 1907 г. в семье рабочего-красильщика. Он окончил Ленинградский государственный университет в 1931 г., в 1936 г. он приехал в Якутск, работал в пединституте до 1943 г. С этого года по 1947 г. – «директор НИИ языка и культуры при СНК ЯАССР» [11, с. 11]. Он проработал директором до 1947 г., вскоре после этого переехал в Ленинград, где проработал в государственном пединституте до 1957 г. Т. А. Шуб опубликовал былины и исторические песни в сборнике «Русский фольклор» 1954, 1956 гг. [16; 17]. Как отмечают исследователи, эти тексты опубликованы вольно, с некоторыми изменениями в тексте, использованием диалектных слов, не приведенных в записи, о чем пишет Г. Л. Венедиктов [12, с. 11].

Большую часть репертуара индигирцев записали Н. А. Габышев и Н. М. Алексеев. Николай Михайлович Алексеев – этнограф, который во время сбора фольклора работал в п. Чокурдах и в некоторых заимках [Там же, с. 7]. Он был из известного рода купцов Алексеевых. Кроме того, Алексеев работал библиографом в Республиканской библиотеке. А. Г. Чикачев, вспоминая экспедицию 1946 г., писал: «Я в то время учился в Чокурдах и принимал посильное участие в работе экспедиции. Тогда я познакомился с Н. М. Алексеевым. Он неоднократно беседовал со мной. Расспрашивал о разном, сравнивал, уточнял» [15, с. 91].

Третий участник экспедиции – Николай Алексеевич Габышев – учитель, чей вклад в науку особо подчеркивает Г. Л. Венедиктов во вступительной статье к корпусу сказок в сборнике «Фольклор Русского Устья»: «Основную часть текстов сборника составляют записи, произведенные в 1946 г. Н. А. Габышевым» [12, с. 7]. Он был известным хомусистом (хомус – губной музыкальный инструмент), а впоследствии стал известным якутским писателем.

Мы остановимся на записи сказок и произведений устной прозы несказочного состава.

В Русском Устье записаны следующие сюжеты сказок. Так, от С. П. Киселева записал Н. А. Габышев сюжеты: «Анчиух», «Арко Аркович», «Гробовщик», «Громобой», «Двенадцать разбойников», «Дочь-семилетка»,

«Ивашко-Пепелушко», «Кот да петушок», «Коток да кобелек», «Куклу кушай и мое горе слушай», «Мартын-разбойник», «О Голи кабацкой», «Окошко отварала?», «Отставной солдат», «С хвостами люди», «Собачка», «Солнышково сестра», «Три амбара иглы», «Шветогор-богатырь», «Шню-шню бычок», «[Шут]Чельбунчун». От А. Н. Шкулевой – «Три сестры и людоед», «Хриштьянин»; от Е. Н. Щелкановой – «Насташша Замориявна»; от П. Н. Рожина – «Крест-цепочка»; от В. М. Чикачева – «Тать и Борма»; от П. Н. Черемкиной – «Перстень»; от И. И. Чикачева – «Старичково парень»; от С. П. Шкулева – «Памфил-вор».

Н. М. Алексеев от И. Н. Чихачева записал сказки «Кот-баюн», «Худая девка», «Беломонет-богатырь», «Семь Семеонов». От А. А. Суздальова – «Царская дочь потерялась», «Купец»; от П. Я. Портнягиной – «Фиофисного ясного сокола перышко» [Там же, с. 305-316].

Также приведем данные по записи других прозаических жанров (легенды, предания, былички). Н. М. Алексеев от Н. Г. Чихачева записал «Как произошли люди»; от П. Н. Чихачева – «[Как окончился первый свет]», «[Кто откуда]», «[О переселении в Русское Устье]». От неизвестных исполнителей – «Птицы ищут землю», «Пчела», «[Медведь]».

Н. М. Алексеев, Т. А. Шуб записали от П. В. Кочевщикова «Как швет начиналша», «Про сендушного», «Про мамонта», «Про собаку».

От С. И. Шкулева они же записали произведение «Как появилась земля» [Там же, с. 316-319].

Как видим, записи фольклорных произведений производились с учетом указания места записи, по возможности – исполнителя, его возраста. Указывается, от кого усвоено произведение, четко показано, что Егор Семенович Киселев – сын Семена Петровича Киселева.

Н. В. Соболева отмечает особенности жанровых предпочтений колымских и индигирских сказочников: «Совершенно особая местная сказочная традиция, сложившаяся в условиях оторванности, изоляции и инонационального окружения, характеризуется преобладанием здесь сказок волшебных, фольклоризацией древнерусских повестей, почти полным отсутствием бытовых сатирических сказок, за исключением сюжета “Шут”, который претерпел влияние аборигенного фольклора» [9, с. 32].

Итогом работы экспедиции явилось издание текстов русского фольклора старожилов низовьев Индигирки. Сборник «Фольклор Русского Устья» был издан в 1986 г. силами ленинградских и якутских ученых. При подготовке этого тома была проведена еще одна экспедиция 1977 г., в ее составе работали С. Н. Азбелев и Ю. Н. Дьяконова.

Также тексты сказок, записанные в Якутии, вошедшие в свод «Памятников фольклора Сибири и Дальнего Востока», следующие: «Подсолнешна красота», «Кот да петушок» – «Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных» [8, с. 79-91, 245-248]; «О голи кабацкой», «Палкин-вор», «Тать и Борма», «Челбунчут» – «Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые» [9, с. 129-141].

Былины, сказки, песни начали записывать на Колыме со второй половины XIX в. Так, И. А. Худяков, находясь в ссылке с 1867 г. по 1874 г., записал 6 русских сказок в Верхоянском округе от уроженца с. Русское Устье. Р. П. Матвеева во вступительной статье к сборнику «Русские народные сказки Сибири о богатырях» пишет относительно сказки «Ворон»: «Сюжет типа “Победитель змея” (по указателю № 300А); вместо змея, которого побеждает младший брат, – ворон. Вводный эпизод принадлежит сюжету “Три царства” (по указателю № 301А)». Далее она подробно объясняет особенности сказок русскоустыинцев: «В сказке сильно влияние местного охотничьего колорита, якутского быта, языка народов Севера, их фольклора. Так, замена змея вороном, очевидно, возникла под влиянием национального фольклора, где ворон занимает особое место, так как считается верховным существом, творцом мира». Исследователь также отмечает: «В то же время сказка полна типично русской эпической поэзии: “Фу, долго спал, бодро встал”, “Когда ворон-от родится, на пору пригодится. На ладонку посадим, на другую приплющим, мы с перстами, мокренько будет!” В стиле традиционной русской поэтики дано, например, обращение сыновей к отцу: “Тянька мой, родименькой. Отпусти меня в чисто поле, широко раздолье, людей посмотрю, да и сам себя покажу, сестру поищу, брата”» [7, с. 292].

Также В. Г. Богораз [2, с. 333] представил пять сказок, записанных в низовьях реки Колымы: «На морском берегу, на острове стояла заимка», «Трое живут мушин», «Люди живут люднеро, десять-пятнадцать домов» (здесь «люднеро» – «их много», с ударением на первом слоге), «Раз юкагиры жили», «Шел стрелок» – и написал в предисловии: «Четыре из приводимых сказок носят более или менее инородческий характер, так как и вообще в сказочном мире нижнеколымского русского населения юкагирские элементы очень заметны, хотя сказочники теперь стали спутывать племена и безразлично заменяют имя юкагиры именем ламуты и чукчи» [Там же, с. 333-334]. Сказки «Трое живут мушин», «Люди живут люднеро, десять-пятнадцать домов» представляют юкагирский фольклор.

Обратимся к сюжету сказки «Худая девка» [12, с. 145-146]. Текст сказки, записанной Н. М. Алексеевым, восходит к сюжету сказки «Золушка», по указателю СУС (Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка) – 510. Это произведение рассказал И. Н. Чихачев. Г. Л. Венедиктов пишет: «Как исполнитель – в основном песенник. Материал заимствовал от отца, большого любителя песен и сказок... Насколько можно судить по четырем записям, сказочник сохраняет традиционное волшебное начало, демифологизация текста у него слабая» [Там же, с. 310]. Вместе с тем сказка рассказана обыденным языком, который настраивает на обязательность происходящего в сюжете: «Жил-бул старик со старухой», «А от них недалеко жил сар» (царь); «мулись, мулись и пошли» (мылись, мылись) [Там же, с. 145].

Также следует обратить внимание на то, что русская сказочная традиция проявляется в том, что персонажей – три сестры, многие ситуации повторяются трижды: трижды все едут в церковь, только на третий раз выясняется, что именно третья сестра – невеста царя.

Примечательно, что девушки ездят в «золотые караты», т.е. в карете. По-видимому, рассказчик тяготеет к тому типу сказывания, когда снижается торжественность повествования и необычность ситуации. Так, в его сказке речь идет не о изящной туфельке, а о суровом «башмаке», который приклеился к полу на том месте, которое предусмотрительный царь повелел смазать смолой: девушка потеряла обувь. Обыденность в сказке показывает жестокие нравы: девушки «выволакивают» сестру и бьют ее за шутивное предположение: «Не я була?». Сестры при этом «даже голову проломали».

Другая особенность сказки связана с проявлением якутского влияния. Развитие сюжета следующее: девушки по дороге к царю встречают путников. Вначале они должны помочь перелить молоко, две сестры отказываются, а третья помогает. Далее им встречается человек, который «сору да кумыс переливат» («Сорат» и «кумыс» – кисломолочные продукты). Третья встреча связана с человеком, который тонет в болоте. Третья сестра «выдернула» его из болота. «Дал он к ней три прута: меной, оловенной, железный». После этого девушка получает сакральные знания и волшебный предмет: «Когда, говорит, уедет сар в серку венчаться, ти вожьми железный прут и поди в поле, есть там холм, ударь этим прутом по холму. Узнашь чего будет». Здесь «серка» – церковь [Там же].

Таким образом, здесь проявляется не только влияние якутского языка («сорат», «кумыс»), но и представления народа саха о мире: сказку, которую записал Алексеев, рассказчик слышал от якута. Здесь проявилось важное сакральное значение молока и молочной продукции, характерное для якутов как скотоводов, об этом пишет Г. У. Эргис [18, с. 153-166]. Далее происходит встреча с человеком на болоте, который связан с предыдущими путниками. В данном случае также обращает на себя внимание тот факт, что развитие сюжета построено на предопределенности. Встреченный человек заранее знал, что царь выберет в жены сначала другую сестру (старшую), и только после ряда событий сказка заканчивается свадьбой героев, которую гуляли двенадцать дней.

Освоение нового окружающего мира отражено в сказках, несказочной прозе, бытовых рассказах, частушках. Как и по всей Сибири, сказки были весьма распространены на Колыме и Индигирке вплоть до середины XX в. Р. П. Матвеева об этом пишет: «Сказочная традиция Сибири, как и русского Севера, оказалась в более благоприятных условиях, чем традиция других районов страны, поэтому она лучше сохранилась и дошла до наших дней, о чем свидетельствуют проведенные на территории Сибири записи сказок как начала века, так и последних лет» [7, с. 3].

Конечно, с позиции новейшего времени видно, что сама методика собирания фольклора в период работы экспедиции 1946 г. имеет некоторые недочеты, которые показывают, что собиратели не имели постоянного навыка сбора фольклорных произведений. Также нет повторных записей; собиратели записывают, не имея вопросов, которые могли бы отразить особенности бытования текста, пути следования фольклорных произведений.

Эта экспедиция 1946 г. на Индигирку важна тем, в частности, что были записаны фольклорные материалы самых разных жанров в период активного бытования [6, д. 762-781]. Значение собранного фольклора огромно, это была экспедиция, которая учла опыт предыдущих собирателей – З. М. Зензинова, Н. Д. и Д. Д. Травинных, М. А. Кротова, С. И. Боло. Экспедиция послужила отправной точкой для следующих записей фольклора в Русском Устье, пробудила самосознание исполнителей. Не следует забывать, что экспедиция пришла на первый мирный год после войны.

Список источников

1. Аластыров Н. В. Виллойская и Северная фольклорные экспедиции Института языка и культуры (1937-1941 гг.) // Якутский архив. 2009. № 1. С. 3-8.
2. Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия / собрал на месте и составил В. Г. Богораз. СПб.: Тип. Имп. АН, 1901. 346 с.
3. Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / изд. подгот. В. Г. Базанов, О. Б. Алексеева. М. – Л.: Наука, 1964. 301 с.
4. Грязнухина М. Э. Институт языка, литературы и истории в годы Великой Отечественной войны // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 1. С. 18-21.
5. Покатилова Н. В. О фольклорном наследии А. А. Саввина: интеллектуальный контекст и исследовательский подход // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3. С. 133-138.
6. Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН (РФ Архива ЯНЦ СО РАН). Ф. 5. Оп. 3.
7. Русские народные сказки Сибири о богатырях / сост., вступ. ст. и коммент. Р. П. Матвеевой. Новосибирск: Наука, 1979. 304 с.
8. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных. Памятники Сибири и Дальнего Востока / вступ. ст., подгот. текстов, примеч. и указ. Р. П. Матвеевой, Т. Г. Леоновой. Новосибирск: Наука, 1993. 350 с.
9. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые / сост. Н. В. Соболева при участии Н. А. Каргаполова. Новосибирск: Наука, 1992. 303 с.
10. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабачников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
11. Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований Академии наук РС (Я): библиографический справочник. Якутск: ИГИ РС (Я), 2005. 288 с.

12. **Фольклор Русского Устья** / сост. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев и др. Л.: Наука, 1986. 384 с.
13. **Чарина О. И.** Боло как собиратель русского фольклора: фиксации 1940-1941 гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76): в 3-х ч. Ч. 1. С. 69-73.
14. **Чикачев А. Г.** О фольклорных записях С. И. Боло в Русском Устье // Якутский архив. 2006. № 2. С. 62-65.
15. **Чикачев А. Г.** Этнографические исследования Н. М. Алексеева в Русском Устье // Якутский архив. 2007. № 2. С. 91-94.
16. **Шуб Т. А.** Былины русских старожилов низовьев Индигирки // Русский фольклор: материалы и исследования: в 36-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. I. С. 207-236.
17. **Шуб Т. А.** Исторические песни из Русского Устья // Русский фольклор: материалы и исследования: в 36-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. III. С. 361-368.
18. **Эргис Г. У.** Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 404 с.

SPECIFICITY OF 1946 EXPEDITION TO RUSSKOYE USTYE

Charina Ol'ga Iosifovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
ochar@list.ru*

The article considers certain peculiarities of 1946 expedition to the Lower Indigirka basin. The author identifies its basic purposes, clarifies participants' roles, and mentions text collections in which acquired folkloric works were published. The paper examines storyline structure of the basic fabulous stories and legends, provides an analysis of the fairy-tale "Wicked Girl" which is visibly influenced by the Yakut language and worldview. Intercultural influence contributes to developing narrator's individual style.

Key words and phrases: T. A. Shub; Russian folklore; recording system; field notes; prosaic genres; fairy tales; interaction.

УДК 81'42:82-1

Цель статьи – выявить специфику реализации мотива перформативного Слова в поэзии Тарковского и обосновать его гностические предпосылки. Исследование позволило установить, что мотив логосного, перформативного Слова в произведениях Тарковского сопряжен с частичной природой гностического созерцания (мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем, по слову апостола Павла) и неполнотой символа, в котором открывается сверхъестественно-исторический аспект становления. Слово Тарковского обнаруживает связь с философией логоса поздней античности, которая причастна миру знания и реальному миру и превращает хаос в гармонично устроенный космос. Анализ поэтики Тарковского позволил подтвердить предположение о том, что мотив перформативного Слова находится в самой сердцевине его (Тарковского) творческой индивидуальности и является элементом интегрированной (тесной) системы (сети) переплетающихся и взаимопроникающих метафизически родственных мотивов.

Ключевые слова и фразы: поэтика; мотив; перформативное Слово; София; Арсений Тарковский; гнозис.

Чижикова Ольга Васильевна, к. филол. н., доцент
Яновская Ирина Владимировна, к. филол. н., доцент
*Волгоградский государственный аграрный университет
iren.janovsky@gmail.com*

МОТИВ ПЕРФОРМАТИВНОГО СЛОВА В ПОЭЗИИ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

Творчество Арсения Тарковского характеризуется экстремальной субъективностью, глубиной символики, обнаруживающей предустановленное единство, и художественным совершенством, что дает основание относить тексты Тарковского к вершинным образцам поэзии Серебряного века. Особый интерес представляют мотивы, возникающие в текстах Тарковского с безальтернативной самоочевидностью и, подобно феномену стиля, о котором пишет Ролан Барт, «укорененные в тайниках личностной памяти» поэта. Одним из основополагающих мотивов поэтики Тарковского является мотив логосного, *становящегося* Слова. Статья посвящена исследованию содержательного (семиотического) аспекта мотива логосного Слова-демиурга в поэтическом идиолекте Арсения Тарковского. Заметим, что под мотивом в литературоведении понимается устойчивый формально-содержательный компонент литературного текста, выделяемый как в пределах одного или нескольких произведений писателя, так и в контексте всего его творчества. Мотив более тесно связан с духовным миром писателя, нежели другие компоненты художественной формы, и поэтому может быть понят во всей его смысловой полноте только из глубины его творческой индивидуальности. Исследование системы образов и мотивов в поэтическом дискурсе Тарковского позволило выдвинуть гипотезу о концептуальной связи мотива логосного Слова-демиурга с ключевой философией поздней античности – Софией-Премудростью Божией и прийти к выводу о том, что данный мотив является ядром концептосферы произведений Арсения Тарковского.